

УДК 82-344

DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-2-347-354

EDN VLMEUE

Воспитательный потенциал детских «страшных» рассказов на русском и английском языках в свете национальных традиций

Далимова Н.З.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Россия, Республика Башкортостан, 450077, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, д. 3-а
dalimova84@inbox.ru

Аннотация. Сопоставительный анализ произведений детского фольклора разных жанров имеет большое значение для выявления особенностей национальной культуры. Исследование детских «страшных» рассказов на материале русского и английского фольклора как средства воспитания детей до сих пор не было объектом фундаментального изучения. Целью данной работы является описание чувства страха как базовой категории культуры и его места в истории изучения детского «страшного» фольклора в отечественной фольклористике. В работе выполнен сопоставительный анализ способов создания терапевтического эффекта страха посредством ознакомления детей с детскими «страшными» рассказами, характеризуются этические установки русских и англичан в сюжете рассказов и их роль в процессе социализации ребенка. Выявлены особенности культурных традиций русских и англичан в воспитании детей и подготовке их к жизни в обществе. Доказано, что использование детских «страшных» рассказов в процессе воспитания способствуют укреплению психофизиологического состояния детей, установлению социальных связей и усвоению национальных традиций воспитания. Результаты исследования могут быть использованы в образовательном процессе психологами, педагогами и филологами.

Ключевые слова: воспитание, социализация ребенка, культурные традиции, страшилки, страх, детский фольклор

Для цитирования: Далимова Н.З. 2025. Воспитательный потенциал детских «страшных» рассказов на русском и английском языках в свете национальных традиций. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 44(2): 347–354. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-2-347-354
EDN: VLMEUE

The Educational Potential of Children's "Scary" Stories in Russian and English in the Light of National Traditions

Nargisa Z. Dalimova

Akmulla Bashkir State Pedagogical University,
3-a Oktyabrskaya revoliutsiya St, Ufa 450077, Republic of Bashkortostan, Russian Federation
dalimova84@inbox.ru

Abstract. A comparative analysis of children's folklore works of different genres is important for identifying the features of national culture. The study of "scary" children's stories based on Russian and English folklore as a means of education has not been thoroughly researched. The aim of this paper is to describe fear as a fundamental category of culture and its role in the history of studying children's scary folklore in Russian folkloric studies. The paper provides a comparative analysis of how fear can be used to

create a therapeutic effect when introducing children to scary stories. It also characterizes the ethical attitudes of Russians and Britons in the plots of the stories and their role in socializing children. The cultural traditions of raising children and preparing them for life in society in Russia and Britain are revealed. It has been proven that the use of “scary” stories for children in the learning process contributes to the strengthening of their psychophysiological condition, the formation of social connections, and the assimilation of national parenting traditions. The findings of this research can be applied in the educational process by psychologists, educators, and philologists.

Keywords: upbringing, child's socialization, cultural traditions, scary stories, fear, children's folklore

For citation: Dalimova N.Z. 2025. The Educational Potential of Children's “Scary” Stories in Russian and English in the Light of National Traditions. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(2): 347–354 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-2-347-354 EDN: VLMEUE

Введение

В каждой национальной культуре веками складываются традиции воспитания детей и подготовки их ко «взрослой» жизни в социуме. Такие приемы воспитания, как предупреждение, запрет, наказание, поощрение, мотивация и другие, находят воплощение и в детском фольклоре, который отражает моральные и этические установки, правила поведения и аксиологическую оценку детских поступков. Детские «страшные» рассказы – это, пожалуй, один из жанров детского фольклора, который, наряду со сказками, учит ребенка ориентироваться в окружающем мире и в обществе, различать добро и зло, чувствовать ответственность за свои поступки, преодолевать проблемы и неприятности. В детских «страшных» рассказах текст строится таким образом, что его главной воспитательной функцией становится создание терапевтического эффекта страха. Ученые отмечают, что в каждом человеке скрывается целый спектр страхов, и это не случайность, а закономерность, заложенная самой природой в человеческой психике. Причем, природа страха может быть универсальной (все люди боятся стихийных бедствий, войны, голода и т. д.) и этнически специфической, обусловленной образом жизни и менталитетом народа.

Страх – это фундаментальное чувство, мощное, универсальное и жизненно важное для выживания как для детей, так и для взрослых. Он сопровождает человека на протяжении всей жизни, трансформируясь, меняя свою интенсивность и объекты фокусировки. Страхи – это своего рода эмоциональный компас, указывающий на ожидание неприятностей, проблем и помогающий людям ориентироваться в окружающем мире.

В детском возрасте страхи проявляются особенно ярко и часто имеют иррациональную природу. Так называемые «воображаемые» страхи, такие как страх темноты или неких существ, играют существенную роль в формировании и активизации детского воображения. При этом они не приводят к развитию невротических расстройств у ребенка, так как делясь друг с другом жуткими историями о реальных или выдуманных героях, а также о ситуациях, имевших место в действительности или являющихся плодом их фантазии, дети испытывают смешанные чувства страха и удовольствия [Орлов, 2011, с. 6].

Детские «страшные» истории, на лингвокогнитивном уровне отличаются от фильмов ужасов для взрослых. Они вызывают к воображению ребенка, к его способности переживать и интерпретировать события. Ключевым элементом их композиции является «контролируемый» страх. Ребенок понимает, что история – вымысел, но его эмоциональный отклик – реален. Этот отклик, в свою очередь, запускает механизмы психофизиологической саморегуляции. Ребенок сталкивается с «безопасной» версией страха в рамках повествования, где есть четкое начало, кульминация и развязка. В отличие от реальной жизни, где страхи часто пугают своей непредсказуемостью, в рассказе есть определенная структура, позволяющая предсказывать события и, следовательно, контролировать свой страх. Согласно Ю.М. Лотману [2004], страх относится к числу важнейших психологических категорий человеческой культуры.

Традиционная народная культура имеет разнообразные способы применения страха в качестве средства контроля и воспитания в семейных и общественных взаимоотношениях.

Впервые исследования в области изучения детского фольклора в отечественной фольклористике, в частности «страшилок», были проведены в 1970 году [Ондар, 2023, с. 175]. В Соединенных Штатах Америки интерес к детским «страшным» историям проявился несколько раньше – в 1960-х годах. Здесь их изучение было тесно связано с более широким исследовательским направлением, посвященным детскому нарративу в целом. В тот период бурно развивалась научная мысль, стремясь понять спонтанное творчество детей, их фантазию, и «страшные» истории органично вписались в этот контекст. Уже на тот момент американские ученые рассматривали «страшилки» как яркий пример проявления детской фантазии, средство изучения механизмов формирования страха, а также способ освоения социальных ролей и переработки тревожного опыта. В отличие от советских исследователей, которые начали с фиксации и анализа самих текстов, американские ученые часто использовали «страшилки» как инструмент для более глубокого понимания психологических и социокультурных аспектов детства [Мирвода, 2018; Матвеева, 2023]. Однако позднее и в отечественной фольклористике наблюдения показали, что их ценность гораздо глубже, так как они выступают в роли своеобразной «терапии», позволяя детям в безопасной игровой форме столкнуться со своими глубинными страхами, такими, как страх смерти, одиночества, темноты, неизвестности, разлуки с близкими, а также социальными фобиями ¹.

По словам М.П. Чередниковой, «...страшные рассказы, подобно архаичным мифам, возникают из естественных потребностей ребенка, из необходимости преодолеть психическое и интеллектуальное противоречие...» [Чередникова, 2002, с. 80]. Они играют важную роль в развитии детского воображения и психологического роста. Подобно древним мифам, эти рассказы возникают из внутренних потребностей ребенка – необходимости понять и преодолеть свои страхи и сомнения. Когда дети слушают «страшные» истории, их воображение оживает, они начинают задавать вопросы о природе зла, о границах между реальностью и фантазией. Это помогает им осознать сложные психологические и интеллектуальные противоречия, с которыми они сталкиваются в процессе взросления. «Страшные рассказы» или детские мифы являются первыми рассуждениями, в которых проявляется стихийное стремление детей найти коллективное решение вопросов, вызывающих тревогу и беспокойство [Чередникова, 2002, с. 83].

Страх в безопасной и защищенной ситуации для детей, в кругу определенного коллектива доставляет наслаждение и приводит к эмоциональному катарсису [Лойтер, 2001, с. 84]. Тем самым дети часто получают определенное эмоциональное удовлетворение от того, что могут в безопасной обстановке мысленно касаться чего-то «страшного». Это позволяет им исследовать свои страхи, не подвергая себя риску в реальности, что немаловажно для укрепления психического здоровья детей, поскольку это позволяет им развивать стратегии преодоления страха. Испытывая страх в безопасной обстановке, они учатся справляться с ним и преодолевать его. Этот опыт помогает им чувствовать себя более уверенно и компетентно в реальном мире. Фантазии и истории, которые они создают, могут служить выражением их внутренних переживаний и желаний. Через коллективные рассказы «страшилок» дети могут исследовать различные эмоции, выражать свои страхи и развивать воображение.

Отражение традиций воспитания в детских «страшных» рассказах различаются в русской и англоязычной лингвокультурах, что проявляется в содержании и построении таких рассказов. Однако, несмотря на обширные исследования в области детской литературы и культурных традиций, отмечается существенный недостаток комплексных работ, объединяющих различные научные подходы. В частности, отсутствует

¹ Мельников М.Н. 1987. Русский детский фольклор. Москва, Просвещение. С. 76

систематическое междисциплинарное изучение, применяющее лингвистический, культурологический, психологический и педагогический анализ для всестороннего рассмотрения влияния воспитательных практик русской и англоязычной культур на содержание, структуру и функциональные особенности детских «страшных» историй.

Целью данного исследования является описание механизмов формирования терапевтического эффекта страха в детских «страшных» рассказах на материале русских и английских текстов и анализ его влияния на воспитание ребенка.

Важно подчеркнуть, что содержание таких рассказов не служит для нагнетания беспричинного ужаса у детей, это контролируемое использование страха как инструмента для познания и преодоления собственных фобий у ребенка.

Материалы и методы исследования

Объектом данного исследования выступают детские «страшные» рассказы в русской и англоязычной лингвокультурах, рассматриваемые как средство воспитания и формирования личности ребенка.

В исследовании использовался комплекс общелингвистических методов, включая описание, обобщение и анализ, а также лингвокультурную и текстовую интерпретацию семантического пространства рассказов. Целью этих методов было выявление и интерпретация воспитательного потенциала детских «страшных» рассказов в русской и английской культурах с учетом их национальных особенностей.

Результаты исследования

У большинства народов воспитание страхом начинается с младенческого возраста. В основном родители прибегают к детскому фольклору, колыбельным, сказкам и пугалкам (*Бука, Баба яга, Бабай, серенький волчок* и т.д.), которые являются частью русской детской культуры. Благодаря им ребенок приобщается к системе бытовых и моральных запретов [Кабакова, 2005].

В англоязычной культуре также существуют мифические персонажи для запугивания детей. К примеру, в эпоху Викторианской Англии в целях воспитания народными сказителями были придуманы различные персонажи, которыми пугали детей, наказывая за отсутствие должного внимания. Мифология выделяет особую категорию волшебных существ (*Бугимен, Пэг Паулер, Пэдфут* – призрачная черная собака и т. д.), которые вызывали страх у детей. Конечной целью подобных «страшилок» являлось формирование у детей хороших манер и предотвращение таких правонарушений, как сквернословие, воровство или купание в неположенном месте по выходным. На севере Англии маленьких детей пугали старухой *Пэг Паулер* (Peg Powler). Она была водяным существом, которое обитало в реке Тис и могло утащить на дно детей, предпочитающих вместо изучения Библии по воскресеньям купаться в озере ¹.

В восточнославянской культуре, так же как и у европейских народов, охотно прибегали к запугиванию детей в целях воспитания. По мнению В.И. Даля, наиболее популярным является персонаж *бука*, «мифологическое пугало», которым запугивали детей. Как отмечает русский этнограф, диалектолог и фольклорист Д.К. Зеленин, слово *бука* происходит либо от общеславянского глагола звукоподражательного характера *букати*, означающего «реветь, плакать, издавать различные звуки», либо от детского междометия *бу*. Многие имена, которые взрослые используют, чтобы успокоить плачущего ребенка, имеют оноματοпоэтическое происхождение. К таким севернорусским персонажам относятся: *Бабай, Баба, Бадя, Бодя, Бадяй, Багай*, именно такое звуковое оформление соответствует первым звукам, издаваемым младенцами при «гулении» [Кабакова, 2005].

¹ Коути Е., Харса Н. 2011. Суеверия викторианской Англии. Москва, Центрполиграф ; Санкт-Петербург, Русская тройка – СПб. С. 80.

Если в младенческом возрасте родители запугивают своих детей мифическими существами в целях воспитания, далее по мере взросления дети сами начинают интересоваться «страшными» рассказами, мифическими существами и фильмами в жанрах фэнтези и хоррор. Эта эпоха «страшилок» наступает в возрасте от семи до одиннадцати лет. В этот период происходит постепенная замена детских сомнений на взрослую рациональность. Обмен историями о призраках, вампирах или оборотнях создает своеобразную коллективную мифологию, форму коллективного мышления, где общий опыт помогает справиться с индивидуальными страхами и сомнениями [Чередникова, 2002].

В качестве примера приведем фрагменты детских «страшных» рассказов из русского и английского детского фольклора.

Рассказ «Мясорубка»

«Одна девочка, звали её Лена, пошла в кино. Перед уходом её остановила бабушка и сказала, чтобы она ни в коем случае не брала билет на 12-й ряд на 12-е место. Девочка не отреагировала <...>. И она забыла о её наставлениях. Ей дали билет в 12-й ряд на 12-е место. Девочка села на это место и, когда в зале погас свет, провалилась в какой-то чёрный подвал. Там стояла огромная мясорубка, в которой перемалывали людей...»¹.

The story «The thing» (Нечто)

«Ted Martin and Sam Miller were good friends. They spent a lot of time together. <...> There was a field of turnips across the road. Suddenly they saw something crawl out of the field and stand up. It looked like a man, but in the dark, it was hard to tell for sure. Then it was gone. <...> So, they decided to go back and get a better look. Pretty soon they saw it, for it was coming to meet them. It was wearing black pants, a white shirt, and black suspenders. Sam said, "I'm going to try to touch it. Then we'll know if it's real." He walked up to it and peered into its face. It had bright penetrating eyes sunk deep in its head. It looked like a skeleton. Ted took one look and screamed, and again he and Sam ran, but this time the skeleton followed them. When they got to Ted's house, they stood in the doorway and watched it. It stayed out in the road for a while. Then it disappeared. A year later Ted got sick and died...»². — Тед Мартин и Сэм Миллер были хорошими друзьями. Они проводили много времени вместе. <...> Через дорогу было реповое поле. Внезапно они увидели, как что-то выползло из поля и выпрямилось, затем исчезло. Оно было похоже на мужчину, но в темноте разглядеть его было трудно. <...> Они решили вернуться и рассмотреть его получше. Довольно скоро они увидели его, потому что оно шло им навстречу. На нем были черные брюки на подтяжках, белая рубашка. Сэм сказал: «Я попробую потрогать его. И мы узнаем, настоящее ли оно». Он подошел к нему и посмотрел в лицо. У него был череп, как у скелета, и яркие, глубоко посаженные глаза. Тед взглянул на него и закричал, они с Сэмом бросились бежать, но на этот раз скелет последовал за ними. Добравшись до дома Теда, они остановились в дверях и стали наблюдать за ним. Какое-то время он стоял на дороге, потом исчез. Год спустя Тед заболел и умер... (перевод автора).

Сравнительный анализ детских «страшилок» русской и англоязычной культур выявляет глубокие различия в их нарративной структуре, отражающие разные воспитательные подходы и культурные ценности. Русские детские «страшилки», часто передаваемые из уст в уста, построены по классической схеме «запрет – нарушение – воздаяние» [Ковтун, 2025, с. 1852]. Это трехчастная структура, где сначала устанавливается строгий запрет – бабушка, наделенная в народном сознании мудростью, предостерегает внуку Лену от покупки билета на 12-й ряд, 12-е место в кинотеатре. Запрет, как правило, подразумевает существование скрытой опасности, о природе которой внучка не осведомлена. Лена, игнорируя предостережение, нарушает запрет – классический сюжетный ход, который создает напряженность и предчувствие беды. Последствие нарушения – провал в подвал с жуткой мясорубкой, перемалывающей людей. Возмездие

¹ Успенский Э.Н., Усачёв А.А. 2001. Самые страшные ужасы. Жуткие истории. Москва, АСТ, Астрель. С. 9.

² Schwartz A. 1989. Scare Stories to tell in the dark. New York, USA. P. 23.

выступает прямым следствием неповиновения, подчеркивая важность послушания и уважения к старшим в традиционном русском воспитании. Этот подход к построению сюжета формирует у ребенка четкое понимание причинно-следственных связей и укрепляет иерархическую структуру в системе ценностей.

В противоположность этому, англоязычные «страшилки» часто следуют схеме «нарушение – воздаяние», опуская этап предварительного запрета. Здесь ребёнок, подросток или даже взрослый сам инициирует действие, нарушая некие неявные, но общепринятые правила или границы дозволенного. Это может быть любопытство, жажда острых ощущений, необдуманный поступок или просто случайность. Ключевой момент в нашем втором рассказе – прикосновение Сэма к Нечто. Этот акт смелости, любопытство и попытка познать неизвестное приводит к трагическому исходу. Через год Тед умирает. Возмездие наступает как следствие самих действий героя, а не прямого нарушения явного запрета. Это указывает на более индивидуалистический подход к воспитанию, где ответственность за свои поступки ложится непосредственно на самого ребенка. В таких историях акцент делается на последствиях выбора, и мораль часто остается неявной, предлагая зрителю самостоятельно проанализировать ситуацию и сделать выводы. Эта разница в сюжетостроении отражает различные культурные коды и подходы к воспитанию детей в двух культурах.

В отличие от простых и однозначных детских «страшилок» прошлых лет, где четко прослеживалась борьба добра со злом, современные истории этого жанра отличаются большей сложностью повествования, размытостью моральных ориентиров и отражают широкий спектр психологических переживаний подрастающего поколения. Современные медиа, включая кинематограф, телевидение и видеоигры, оказывают существенное влияние на тематику детских «страшилок». Мотивы и персонажи из популярных фильмов ужасов, видеоигр и интернет-мемов все чаще интегрируются в сюжеты этих историй. Появление знаковых антагонистов, таких как Пеннивайз, кукла Аннабель, Фредди Крюгер, Слендермен и др. свидетельствует о взаимосвязи между социальными изменениями, развитием технологий и формированием детского мировоззрения.

Кроме того, возникновение крипипасты, которая является жанром интернет-фольклора в стиле хоррор, предоставляет авторам возможность воздействовать на читателя не только текстовыми средствами, но и с использованием возможностей интернета. Испуг, вызванный чтением истории, усиливается за счет жуткой атмосферы, создаваемой фото-, аудио- и видеоматериалами, что значительно увеличивает эффект ужаса. Это свидетельствует о том, как современные технологии формируют новые способы передачи и восприятия страшных историй [Милютин, 2022, с. 88].

Ценность «страшных» рассказов заключается в том, что они формируют терапевтический эффект страха, и их влияние на детское и подростковое сознание можно рассматривать как инструмент воспитания детей в духе национальных традиций, они учат различать добро и зло, справляться со страхами и находить решения в сложных ситуациях.

Заключение

Проблема воспитания в произведениях фольклора является актуальной в настоящее время и продолжает активно исследоваться учеными. Психологи используют анализ детских «страшилок» для диагностики психоэмоционального состояния ребёнка. Педагоги включают элементы фольклора в образовательный процесс, развивая у детей творческое мышление, воображение и коммуникативные навыки. Филологи изучают языковые особенности детского фольклора.

Исследование детских «страшных» рассказов позволило установить важные закономерности в их применении в процессе социализации ребенка. Во-первых, дети не просто рассказывают «страшилки» для развлечения – это глубоко личностный процесс, позволяющий им выразить свои эмоции и пережить трудные ощущения. Во-вторых,

рассказывание «страшилок» – это коллективное действие, способствующее сплочению группы и установлению социальных связей. Дети, делясь своими страхами, чувствуют себя менее одинокими, а слушая истории других, они убеждаются, что их опасения не уникальны. В-третьих, содержание «страшилок» меняется со временем, отражая изменения в обществе и детских представлениях о мире. В-четвертых, в сюжете и языковых особенностях детских «страшных» рассказов получают выражение национально-культурные традиции воспитания детей, в частности русской и английской лингвокультурах.

Важно понимать, что «страшилки» – это не просто занимательные истории, это особый язык, который дети используют для понимания и овладения миром взрослых и своих собственных чувств. Анализ тематики, символики и лингвокультурного пространства «страшилок» позволяет взрослым понять детский мир глубоко и всесторонне, помочь ребёнку справиться с трудностями и обеспечить его гармоничное развитие.

Список литературы

- Кабакова Г. 2005. «Придет серенький волчок»: о формулах устрашения детей. В кн.: Семиотика страха. Под ред. Н. Букс, Ф. Конта. Сорбонна, Русский институт; Париж, Европа: 356–372.
- Ковтун Н.В., Бuryлова А.В. 2025. Образ матери в страшных историях Л.С. Петрушевской *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 18(5): 1850–1857. DOI [10.30853/phil20250262](https://doi.org/10.30853/phil20250262).
- Лойтер С.М. 2001. Русский детский фольклор и детская мифология: Исслед. и тексты. М-во образования Рос. Федерации. Кар. гос. пед. ун-т. Петрозаводск, КГПУ, 293 с.
- Лотман Ю.М. 2004. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры. В кн.: Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург, Искусство-СПб.: 664–666.
- Матвеева Э.Г. 2023. От фольклора индейцев до «страшных» историй: исследования американского детского фольклора. *Фольклор: структура, типология, семиотика*, 6(4): 124–146. DOI: [10.28995/2658-5294-2023-6-4-124-146](https://doi.org/10.28995/2658-5294-2023-6-4-124-146)
- Милютина М.Д. 2022. Крипипаста как жанр современного Интернет-фольклора: проблема репрезентации страха. *Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета*, 1(20): 85–89.
- Мирвода Т.А. 2018. Детский «страшный» повествовательный фольклор: к проблеме разработки указателей. Модель указателя. *Вестник Российского государственного гуманитарный университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*, 9(42): 61–78. DOI: [10.28995/2073-6355-2018-9-61-78](https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-9-61-78)
- Ондар М.В. 2023. «Страшный» повествовательный фольклор в сети. В кн.: Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: Материалы IX Международной научной конференции, посвященной Десятилетию науки и технологий и Десятилетию языков коренных народов, 22 сентября 2023, Абакан, Хакасское книжное издательство имени В.М. Торосова: 173–181.
- Орлов А.Б., Орлова Л.В., Орлова Н.А. 2011. Психологические механизмы возникновения и коррекции внушенных детских страхов. *Вопросы психологии*, 3: 17–32.
- Чередникова М.П. 2002. Голос детства из дальний дали... (Игра, магия, миф в детской культуре). Москва, Лабиринт, 224 с.

References

- Kabakova G. 2005. «Pridet seren'kii volchok»: o formulakh ustrasheniya detei [«The Little Grey Wolf Will Come»: On Formulas for Frightening Children]. In: Semiotika strakha [Semiotics of Fear]. Eds. N. Buks, F. Kont. Sorbonna, Publ. Russkii institut; Parizh, Publ. Evropa: 356–372.
- Kovtun N.V., Burylova A.V. 2025. The image of a mother in L. S. Petrushevskaya's horror stories. *Philology. Theory & Practice*, 18(5): 1850–1857. DOI [10.30853/phil20250262](https://doi.org/10.30853/phil20250262).
- Loiter S.M. 2001. Russkij detskij fol'klor i detskaya mifologiya: Issled. i teksty [Russian children's folklore and children's mythology: Research and texts]. M-vo obrazovaniya Ros. Federacii. Kar. gos. ped. un-t. Petrozavodsk: KGPU. pp. 293.

- Lotman Yu.M. 2004. O semiotike ponyatii «stydy» i «strakh» v mekhanizme kul'tury [On the semiotics of the concepts of «shame» and «fear» in the mechanism of culture]. In: Lotman Yu.M. Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskustvo-SPb.: 664–666.
- Milyutina M.D. 2022. Kripipasta as a genre of Modern Internet Folklore. The Problem of Fear Representation. *Proceedings of young scientists and specialists of the Samara University*, 1(20): 85–89.
- Matveeva E.G. 2023. From native American folklore to «scary» stories. Survey of research on American children's folklore. *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, 6(4): 124–146. DOI: [10.28995/2658-5294-2023-6-4-124-146](https://doi.org/10.28995/2658-5294-2023-6-4-124-146)
- Mirvoda T.A. 2018. On the problem of creating indices for children's «scary» narrative folklore. A model of an index. *RSUH/RGGU Bulletin. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies Series*, 9(42): 61–78. DOI: [10.28995/2073-6355-2018-9-61-78](https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-9-61-78)
- Ondar M.V. 2023. «Strashnii» povestvovatel'nii folklor v seti [«Scary» narrative folklore on the Web]. In: *Narodi i kul'turi Sayano-Altaya i sopredel'nykh territorii* [Peoples and cultures of Sayano-Altai and adjacent territories]. Proceedings of the IX International Scientific Conference dedicated to the Decade of Science and Technology and the Decade of Indigenous Languages, September 22, Abakan, Publ. V.M. Torosov, Khakassia Book Publishing House: 173–181.
- Orlov A.B., Orlova L.V., Orlova N.A. 2011. Psychological mechanisms of emergence and correction of suggested children's fears. *The Issues Relevant to Psychology*, 3: 17–32.
- Cherednikova M.P. 2002. Golos detstva iz dal'nii dali... (Igra, magiya, mif v detskoj kul'ture) [The voice of childhood from the distant distance... (Play, magic, myth in children's culture)]. Moscow, Publ. Labirint. pp. 224.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.03.2025

Поступила после рецензирования 7.04.2025

Принята к публикации 10.06.2025

Received March 28, 2025

Revised April 7, 2025

Accepted June 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Далимова Наргиса Зарифжоновна, аспирант кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики, Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Уфа, Республика Башкортостан, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nargisa Z. Dalimova, Postgraduate Student of the Department of Russian Language, Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Philological Education and Intercultural Communications, Akmuulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.